

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Александра Юрьевича Горбенко
«Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Специальность 10.01.01 – русская литература

Теоретико-методологический уровень представленной А.Ю. Горбенко диссертации, общее понимание соискателем территориальных аспектов национального культурогенеза позволяют в первую очередь судить о том, какой значительный путь проделала отечественная наука на пути к литературным фигурам подобным Г.Д. Гребенщикову. Начав присматриваться к писателям «для нового читателя», как называл их Горький, на волне смены поколений в пореволюционное время, когда нельзя было не заметить новый тип автора, замещающий вакантное место, освобожденное пассажирами «философского парохода», наше литературоведение сразу оказалось на трагическом перекрестке двух тенденций: поднимавшегося краеведения и одновременно усиливавшегося государственного подозрения ко всему «локальному», которое директивно вытеснялось странной советской смесью пролетарского космополитизма с официальным национализмом «положительной дискриминации» (Т. Мартин). Вынужденный компромисс был найден в дискурсе «местного колорита», который посланцы окраин в полном соответствии с программой советских литературных учреждений (например, Литинститута), должны были нести своим творчеством в столицу, где всё это переплавлялось в «нераздельном», но и «неслиянном» корпусе «многонациональной советской литературы». В сибиреведении эти спекулятивные опыты «подстройки» местной словесности к господствующей идеологии отразились, например, в работах Б. Жеребцова, а также столичного автора, который некоторое время занимался литературой провинций, – Н. Пиксанова. «Москвоцентризм» советского проекта в принципе не оставлял возможности для оправдания локальной ментальности и представлявшей её культуры, т.к. новое самосознание могло быть только социалистическим, а пресловутая отдаленность порождала лишь стигматизирующий, чисто советский по своему происхождению концепт «периферии» – пространства, до которого индустриально-урбанистическая утопия еще не добралась. За вычетом новых национальных республик, отношение к которым было особым, именно это правило действовало на территории, по инерции воспринимавшейся как «русская». Когда краеведение снова «разрешили», уже произошло его печальное перерождение: оно лишилось глубокого «дыхания» культурологических работ И. Гревса и Н. Анциферова и стало партикуляристским собиранием «особенностей», локальной экзотики, полулегальной культурной институцией, сам противоречивый статус которой сообщал благородному увлечению характер причудливого хобби, а личности краеведа – реноме городского сумасшедшего. Советская спекулятивная антитеза «столица – периферия» лишь поддерживалась этим совершенно ненормальным квазиимперским распределением: когда в центре есть «подлинная» культура, а в провинции – она же, но вторичная. Как чувствовала себя в это время областная регионалистика? В ней, что особенно заметно на сибирском материале 1960-1980-х гг., созрела причудливая самооправдательная теория, в которой соединились ритуальные цитаты из Белинского об «обыкновенных талантах», имперский централизм (чего стоит только тезис о вечно «запаздывающей» и лишь «отражающей» столичные достижения провинции), а также контрпродуктивная идея, то артикулируемая, то подспудная, о невозможности вдали от столиц яркого и самобытного таланта, который обязательно загубят реалии местного города Глупова. Ирония здесь была в том, что в условиях централизма эта тенденция из эвристического наблюдения, на статус которого она претендовала, превращалась в самосбывающееся пророчество: выстроенная система координат, от лица которой говорило высочайше дозволенное регионоведение, не подразумевала ничего другого, кроме описаний очередного извода щедринской или чеховской провинциальной тоски. Неудивительно, что в этой одеревеневшей схеме, как только советский проект дал трещину, немедленно пустил корни местечковый сепаратизм, заключавшийся не в преодолении, а в декларативной консервации всё той же сочиненной на самом деле

извне вторичности, ныне возносимой до высот истинной самобытности – по юродскому правилу не лечить или хотя бы скрыть, а выпятить увечье и свести всю свою коллективную личность к нему. Увы, мода на постколониализм с его клишированным интересом к «травмам», причиненным «имперским правлением», здесь пришлась ко двору, и ныне большая компания изобретателей карикатурных местных идентичностей с удовольствием им пользуется, перенося правила сурового тропического негритюда в русскую и не только русскую глубинку.

Нисколько не схематизируя и не упрощая, скажу, что причина этого печального состояния дел только одна – пренебрежение самым обычным, самым насущным для науки вниманием к человеческой личности и сценариям ее самореализации, подмена живой исторической материи спекулятивной схемой. Сколько в своё время было пролито чернил на тему областников, говоря о которых исследователи задавались вопросом, поистине напоминавшим упражнения средневековых схоластов, – демократы были Потанин с Ядринцевым или реакционеры? Сошлись, как известно, на том, что сначала были демократы, а потом старый Потанин «ушел в лагерь реакции». Спасением для регионоведения была бы и известная уже в 1970-е гг. бахтинская теория хронотопов, и тогда же разработанная Лотманом концепция жизнетекста, но методологическая самоизоляция не позволила даже наметить направления прорыва из ловушки эмпиризма. Особняком в этом ряду стояли работы учителя нашего диссертанта Б.А. Чмыхало – по крайней мере, моё знание истории вопроса позволяет указать на статью «Опыт реконструкции одной биографии (поэт и чиновник И.И. Бахтин)» (в кн.: Тенденции развития русской литературы Сибири в XVIII-XIX вв. Новосибирск, 1985), принадлежащую перу этого замечательного исследователя, как на едва ли не первый прецедент разговора о культуре края в духе лотмановских идей «сотворения», «повседневной жизни», «литературы и биографии».

Актуальность предложенной диссертации определяется обращением молодого исследователя к мощной и современной аналитической базе, в центре которой – внимание к «сценарному», «сотворенному» характеру литературной и – шире – человеческой идентичности и тех «традиций», на которых, словно на струнах, эта социальная личность играет, создавая неповторимую мелодию своего культурного самоутверждения. В более конкретном смысле метод диссертанта складывается из сочетания нескольких школ – социологических исследований чтения, литературного канона, литературного поля и писательской репутации, семиотики и психологии поведенческого жеста, работ о жанре автобиографии, а также давно привычных в русле регионалистики геокультурологических штудий. При этом работа ценна тем, что представляет взгляд на «изобретение» Гребенщиковым своей писательской личности как весьма детально разработанный угол зрения, уходя от недостатка многих литературоведов-регионалистов прошлых лет, когда, если уж казалось, что ты работаешь с материалом в эстетическом смысле неполноценным, то и особая теоретико-методологическая изощренность тебе ни к чему. А.Ю. Горбенко убедительно показывает, что дело обстоит с точностью наоборот: заметить в полузабытых текстах их неповторимую жизненную энергию можно только вооружившись серьезным инструментарием.

К несомненным новациям, прорывам и достижениям рецензируемой работы я бы отнес следующее:

Уже с самого Введения автор правильно отделяет автомифологизаторство, при помощи которого Гребенщиков успешно гипнотизировал своих позднейших исследователей, ставших глашатаями сентиментального мифа о «самоучке», от произведенных самим культурным полем координат, в которых жизнетворческая траектория обретала индивидуальный рисунок и особый смысл (С. 7-9).

Соискатель точно определяет нужные ему категории, сначала выбирая из всех возможных вариантов понимание автомифологизации как сюжета, обретающего онтологический статус и становящегося, по Д. Магомедовой, «схемой собственной судьбы» (С. 14). Затем А.Ю. Горбенко добавляет к этому про-акмеистскому пониманию личного мифа практический и даже прагматический аспект самоутверждения в пределах профессионального поля, заимствованный у П. Бурдьё (С. 15). Вообще усиленная артикуляция этого зазора между эстетической доминантой в понимании жизнестроительства и осознанным формированием профессиональной репутации, для

которого также потребны некоторые социально маркированные жесты (С. 16-17), – важный плюс к рефлексии диссертантом его аналитического аппарата.

На всем протяжении работы соискатель продуктивно развивает тезис А. Рейтблата об одержимости автобиографией как признаке травмы (С. 31). Творчество Гребенщикова откликается на эту мысль множеством новых примеров.

В диссертации конкретизируются этапы развертывания персонального мифа (С. 34 и сл.): ощущение разлада со средой, вскормившей автора; продвижение себя в столице, которое А.Ю. Горбенко без обиняков и, в целом, верно называет «саморекламой» (С. 37); самоуничтожение перед фигурами со значительным символическим капиталом (впрочем, стоило бы добавить, что цитированные фрагменты проникнуты у Гребенщикова отнюдь не одним самоумалением, но той напускной скромностью, которая паче всякой гордости); продуктивный образ «врага», в облики которого представляли фигуры, ассоциированные с общественным и культурным элитизмом.

Ресентиментный стиль самоосмысления Гребенщикова, его стремление в любом споре сразу перейти «на личности», обвинения оппонента в презрении к нему из-за «низкого» происхождения, охарактеризован А.Ю. Горбенко точно, а на примере эпистолярного столкновения с ген. П.Н. Красновым (С. 47) наглядно продемонстрирован.

Теоретически детализированы отношения писателя с Г.Н. Потаниным и Л.Н. Толстым, которых молодой сибиряк представлял, соответственно, патриархами областной и общерусской культур и связи с которыми вполне рационально использовал. Также весьма удачно указание на то, что Гребенщиков писал своих «Чураевых» с оглядкой на «Войну и мир».

Интересен и продуктивен анализ автобиографической установки в повести «Егоркина жизнь», сюжет которой основан на понимании провиденциальной направленности судьбы героя/автора.

Впечатляюще результативна реконструкция соискателем координат мессианства зрелого и позднего Гребенщикова. Важна и продуктивна мысль о двойном переживании периферийности, предстоящем и травматической рефлексией, но и вызовом центру. Оба модуса имеют в национальной истории немало параллелей – от аллегорий старца Филофея до идеологии Солженицына. Примечателен сам главный поступок писателя в эмиграции: не обдумывание своего перемещения в некий центр (а Америка в 1930-50-е гг. предоставляла все возможности считать ее таковым), а воссоздание на территории этого «центра» своей собственной периферии, т.е. очевидная специализация ментального.

Сюжет отношений с Буниным, в лице которого Гребенщиков в 20-30-е гг. нашел очередного конфиденанта (впрочем, без взаимности), освещен информативно и живо: системное напряжение между признанным классиком и самовыдвиженцем с окраины в этой переписке просматривается очень рельефно. Наблюдения диссертанта изнутри гребенщikovского материала лишь подтверждают данными дневника Буниных, а которым Вера Николаевна явно со слов своего мужа припечатала Гребенщикова внешне-экзотической, в духе «Петлистых ушей», характеристикой: «Вечер Гребенщикова прошел так, как он хотел – были и генералы, как на свадьбе, да и вид у него был какой-то жениховский. А какой у него страшный лоб! Высокий, в пол-лица» (Устами Буниных. Т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 39).

Обнаружение у Гребенщикова следов концепции Н. Федорова, отразившейся в высказываниях, детально совпадающих с идеями философа, является примером добротной филологической работы, важным источниковедческим вкладом соискателя в круг исследований по его теме. Тем более значимо, что изыскания проведены на архивном материале, который сообщает сделанным выводам надежность и достоверность.

Отмеченные достоинства определяют в целом благоприятное лицо работы, тень на которое, впрочем, бросают некоторые недостатки, подлежащие, думаю, скорому и безболезненному устранению – особенно если учесть, что диссертация имеет вполне надежные перспективы вырасти со временем в монографию.

1. Трудно согласиться с определением символистского жизнетворчества как лишенного «практических резонансов» и подчиненного «сугубо эстетическим и/или мистическим задачам» (С. 18). В мирообразующей теургии зрелого символизма было и то и другое, а точнее не было самого этого дифференцирующего рубежа, и «мистическое» уверенно проецировалось на «прак-

тическую» сторону жизни. Вообще, кажется, что в немного казуистическом отделении «жизне-строительства» от «жизнетворчества» А.Ю. Горбенко совершил ошибку многих теоретически продвинутых исследователей, которые незаметно могут оторваться от реалий материала и перейти к разговору «о словах».

2. Точнее, кажется, следовало охарактеризовать гребенщиковское самооправдание перед критикой за провал пьесы «Сын народа», а по существу – контр-обвинение, брошенное в лицо рецензентам. А.Ю. Горбенко делает акцент на ресентиментной ноте в поведении писателя: «...следуя стратегии ресентимента, он создает образ оскорбленного интеллигенцией “слуги и сына” народа» (С. 42). Отметим, однако, в риторике начинающего писателя своеобразную ловушку, который он хитро поставил на пути своих зоилов. Стартуя с *маргинальной* позиции провинциала, но представляя себя «сыном *народа*», в одежды *маргинальных* и незаконных посягателей на «народ» Гребенщиков таким образом риторически обряжает как раз хулителей его текста, ибо концепт народа и аллюзии на Толстого должны, по идее, упростить автолегитимацию и утяжелить вес уже приобретенного символического капитала. Впрочем, с другой стороны, представляется, что обращение к реальностям природы, народа и христианской веры как ресурсам самооправдания – типично для национального культурного опыта, так что в целом соискатель, конечно, прав.

3. Ни в коем случае не вторгаясь в научный аппарат диссертанта, хочу на будущее предостеречь его от излишнего доверия к книге известного социолога Льва Гудкова «Негативная идентичность» (2004). Политически ангажированная, по стилю напоминающая трескучую публицистику перестроечных времен, эта книга весьма далека от лучших работ этого же автора – достаточно посмотреть круг рецензий, которые появились по выходе этого объемистого тома в свет.

4. Думается, что интересный мотив ориентализации Гребенщиковым своей биографии в «Егоркиной жизни» и предъявление в качестве предка «молодого ханского сына» «Тарухана» едва ли есть смысл резко трактовать в постколониальном ключе как усиление темы происхождения «из низов» связью с захваченным «в рабство» калмыком (С. 54). Важно здесь то, что мифический Тарухан – именно *ханский* сын, а учитывая внимание писателя к сюжетам из жизни степной аристократии (ср. повесть «Ханство Батырбека»), налицо скорее другая автопроекция – компенсаторная относительно «травмы рождения». Коррекцию требует и понятие «самоориентализация». Известен аналог из автомифологии А.И. Куприна, гордившегося своим высоким происхождением из татарской элиты – и именно элитизм здесь был важен, а ориентализм – нет. Словом, как часто бывает в таких случаях, позиция Гребенщикова оказывается довольно сложной и пластичной.

5. Мне кажется, что за пределами символического «утяжеления» биографии как таковой, а именно при встраивании в канон своего *литературного* (не биографического) имени Гребенщиков едва ли руководствовался желанием «войти», как пишет А.Ю. Горбенко, именно «в “дворянский” ряд русской литературы, несмотря на настойчивые уверения в обратном» (С. 69). Здание литературного канона в принципе, а русская разновидность общеевропейской практики «канонизации» – в особенности, на первый план выдвигали нациестроительную задачу интеграции. Так сказать, «изнутри самого себя» канон русской классики был в первую очередь национальной словесностью, а не «рядом» писателей-дворян. Таковым он мог стать (и стал) с точки зрения раннесоветского вульгарного социологизма. Поэтому не вижу противоречия в том, что компенсация травмы рождения рано или поздно подтолкнет амбициозного сибирского писателя примерить на себя типовое в русской культуре реноме религиозного и социального моралиста. Эмигрантская публицистика Гребенщикова, кажется, ясно об этом свидетельствует.

6. Нельзя согласиться с замечанием исследователя о том, что Ясная Поляна Толстого (как позднее ее проекция в виде гребенщиковской Чураевки) была феноменом «антиинституциональным» (С. 152); не спасает ситуацию даже опора на мысль Б. Эйхенбаума о Ясной Поляне как «архаической форме литературного быта». Оба исследователя (Эйхенбаум – по воле времени) здесь, как кажется, становятся заложниками прямолинейно понятого эволюционизма. Ясная Поляна в системе литературного процесса была отчетливым институциональным полюсом, совмещавшим в себе народную школу, педагогический журнал, а позднее становящимся подобием ре-

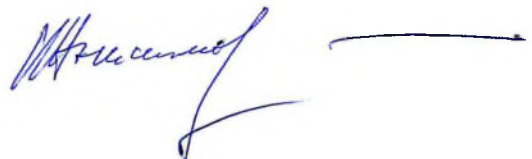
лигиозной общины с обширной сетью филиалов. Общая направленность против официоза здесь не должна смущать: символическая власть совсем не обязательно сосредотачивается в официальных изданиях. Судьба леворадикальной русской печати от Белинского до Щедрина – яркий тому пример.

7. И наконец, полагаю, что в перспективе дальнейшей переработки диссертации в монографию в некотором прореживании нуждается частокол иноязычных слов: «Гребенщиков концептуализирует Чураевку как локус, в котором осуществилась своеобразная трансмиссия “Святой Руси”» (С. 161). Автору совсем не нужно дополнительно сигнализировать о его принадлежности миру науки: об этом сама за себя говорит содержательная сторона его исследования.

Все сказанное позволяет заключить, что диссертация «Жизнестроительство Г.Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, связанной с выявлением поведенческих сценариев самоутверждения литератора второго ряда в культурном поле, опытов осознанного конструирования им профессиональной репутации и биографии, его взаимоотношений с канонем, доминирующими фигурами «классиков», читательским и литературно-критическим сообществами. Диссертация выполнена на обширном печатном и архивном материале. К исследованию привлечен широкий историко-культурный контекст, включающий в себя как региональную и диаспоральную подсистемы русской литературы (Потанин, Бунин), так и ядро национального культурного поля (Толстой, Горький). Данная задача является приоритетной для развития современного отечественного литературоведения. Работа соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней», а ее автор, Александр Юрьевич Горбенко, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

28 октября 2016 г.

Анисимов Кирилл Владиславович,
доктор филологических наук, 10.01.01, доцент,
профессор кафедры русского языка,
литературы и речевой коммуникации
Института филологии и языковой
коммуникации Федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Сибирский федеральный
университет», 660041, г. Красноярск,
проспект Свободный, 79/10, <http://www.sfu-kras.ru> (391) 244-86-25
(391) 223-07-27, kianisimov2009@yandex.ru

ФГАОУ ВО СФУ
Подпись К. В. Анисимова заверяю
Начальник общего отдела Игорь...
«28» _____ 2016.